

Автор представлен членом Художественного совета **Ларисой Морозовой-Цырлиной**

Женщина-жемчужина

Женщина-жемчужина,
конечно, незамужняя,
конечно, одинокая
и оттого жестокая.

Возможно, дома вечером
она в истоме мечется
и тешит зябким кружевом
всю ночь себя – жемчужину.

Но утром перламутровым
усыпанная пудрою,
помадою измазана,
украшена, отглажена,
она легко и молодо
одна идёт по городу
под солнцами, над лужами,
янтарная, жемчужная,
атласная, красивая,
несчастливая-счастливая,
не думая о суженом
и отвергая вечное.

О, женщина-жемчужина
с гордынею до вечера!

Принцесса

Не день-другой тобою прожит...
Молва о прелести твоей
уж на слуху великих дождей
и коннетаблей королей.

Уже и плед венцовый соткан,
и прибыл с Рима капуцин,
а всё заглядывают в окна
венецианские купцы.

Горда, как львица новоявленна,
чиста, как вешние дожди...
Тобою грезят и субалтерны
и лигурийские вожди.

А кто родами мелковаты —
у ног елозятся твоих,
целуя бархатное платье
и лалы туфель золотых.

...Растрескалось стекло в угаре
свечных огарков и лучин.
когда по площади ударили
луны непрошенной лучи.

Ты с гулом хриплого органа
и мостовых маховиков
вступаешь в полночь, долгожданна,
и грациозно, и легко.

И в честь твою, моя принцесса,
летит в надфакельную синь
оплетьем невесомой мессы
многоголосная латынь.

И принимается, как должное,
всею христианнейшей толпой
и красота твоя безбожная,
и лунный нимб над головой.

А ты на площади полнощной
ждёшь-не дождёшься полчасца,
когда к себе домой вернёшься
и яростно ко мне прижмёшься,
простоволоса и боса!

Пунцовое солнце

Пунцовое солнце

 в пунцовом венце —
между мною и Францией.
Вечер.

 10 часов.

 На лице,
пожалуй,
уже 12.

Выпил.

 Ещё раз.
 Бросил, но выпил
прежде,
 чем бросить.

 В зеркало глянул я -
колченогой
 испуганной выпью
сердце замерло.

Прочь сон!

 Отжимаю веки пальцами
с азартом Беллерофонта.

Слушай-ка, солнце,
 поменяемся местами,
завтра,
 у горизонта.

По рукам!?

 Ударили...
 Выжидаю жадно,
когда рыжим маленьким пони
солнце выпрыгнет
 косо и азиатно
между мной и Японией.

Оседлаю небо.

 По дороге странствий
шкуру его изотру коленом,
полечу,
 обогрею всё пространство
между тобой и Вселенной!

Чёрная дыра

Ночь-зараза
 шприцом одноразовым
дырок в себе
 натыкала впрок
и в экстазе
 затем показывала
жестью светящийся пупок.
Небо раздвою
 дыханием белым,
к телу ночи прижмусь
 обнажённо
и,
 многократно им обожжённый,
сам стану частью
 этого чёрного тела.
Стану облаком мегапарсековым,
жадной дырой
 в середине Галактики,
такой,
 что даже жертвы ацтековы
блажью покажутся
 в адовой практике.
Буду глотать
 миры неразумные,
буду глотать
 жестяные пупки
и метать кометы
 с хвостами-хоругвями
на последние земные мирки.
Но может быть,
 может быть,
 лет через тысячи,
насытившись
 чёрной кровью планет,
я позволю Вселенной высечь
малую искорку –
 лунный свет,
чтобы ночь,
 обряжённая в звёзды-стразы,
вступая от времени мутный поток,
пусть нечасто
 могла бы показывать,
как стриптизёрша,
 жёлтый пупок.

На сладчайшем киселеземье

На сладчайшем киселеземье у истоков молочных рек жил богемно и
бессистемно незначительный человек.

Получил когда-то в наследство он от прадедов и дедов поле счастья, качели
детства и весеннейшую любовь.

Ах, какое было богатство! Как венковилась в поле трава! И, казалось, живи
да радуйся, не болела бы голова!

Но – «зачем человеку столько? без любви тоже можно жить...» - он своим
равнодушьем стойким умудрился любовь убить.

А потом сломались качели... Прочерк в памяти... Ни к чему помнить то, как
шмели гудели, как костры разгоняли тьму...

А когда окончательно застил очи жадные жёлтый металл, всё наследное поле
счастья человек – потерял...

И засохли весёлые реки, развалился отцовский дом, поле вымерло... Стало
некому даже сказку сложить о том,
как на сладком киселеземье у истоков молочных рек жил когда-то такой
никчемный незначительный человек!

...От себя никуда не деться... Ошибаясь, поверю вновь – раскачаю качели
детства, вспомню прадедов и дедов,
убегу от всего пустого, из разбитой шагну колеи – пусть венковится моё
поле! пусть же реки текут мои!...

Тополь

Я, как тополь, стою и пускаю
белый пух ожиданий и просьб.
Аллергией на просьбы страдая,
чесет босс свой чиновничий нос.

Кресло щупая, словно оружие,
сотрясая накопленный лярд,
он волочит запреты наружу,
будто Грозный кишки у бояр.

Я пушист, работащ и сговорчив,
но теперь из себя – что есть сил! –
перед ним неразумного корчу,
лишь бы в отпуск меня отпустил.

Ширю рожу от уха до уха –
пусть хоть на кол! – и это приму:
моего тополиного пуха
всё же стоит неделя в Крыму.

И на красном ковре кабинета,
словно молью побитая рать,
я стою!
...и планирую лето
под начальничье «мать-перемать».